

Александр Николаевич Самойлович

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

А. Н. САМОЙЛОВИЧ — ЭТНОГРАФ

До настоящего времени еще не появлялось ни одной специальной работы, касающейся той грани творческого облика одного из крупнейших отечественных тюркологов, А. Н. Самойловича, которая имеет непосредственное отношение к этнографии. Стремясь в какой-то мере восполнить этот пробел, автор в то же время отдает дань глубокого уважения к памяти своего учителя.

А. Н. Самойлович, как известно, не имел специальной этнографической подготовки. И хотя в числе его прямых учителей и наставников-тюркологов также не было специалиста-этнографа, каждому из них не были чужды интересы этнографии. П. М. Мелиоранский, которого А. Н. Самойлович называл своим «незабвенным учителем», откликался рецензиями на такие труды этнографического содержания, как «Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов» А. В. Васильева, «Музыка и песни уральских мусульман» С. Г. Рыбакова. В некрологе, посвященном П. М. Мелиоранскому, А. Н. Самойлович писал: «Многие лингвистические работы П. М. содержат в себе исторические, историко-литературные и этнографические (разрядка моя. — С. А.) данные во введениях, экскурсах, примечаниях и сносках»¹.

Поучительным примером многосторонних занятий этнографией была для А. Н. Самойловича и деятельность Н. Ф. Катанова. В посвященной ему статье А. Н. Самойлович пишет: «Когда я в 1902 г. отправился в первую научную студенческую командировку к туркменам, мой учитель, проф. П. М. Мелиоранский, порекомендовал мне вместо программы «познакомиться с „Письмами Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана“, и это была первая книжка, которую я прочел в стенах ныне родного для меня

---

¹ А. Н. Самойлович, П. М. Мелиоранский (Некролог), — ЖМНП, нов. сер., 1907, ч. VIII, отд. 4, стр. 113.

Азиатского музея»². Характеризуя обширный круг вопросов, которые интересовали Н. Ф. Катанова, А. Н. Самойлович называет, между прочим, обряды, обычаи, поверья, игры, приметы, толкования снов, гадания, народную медицину, народный календарь, названия родов и «костей», личные имена, языковые запреты, термины родства, народную астрономию, знаки родовой и семейной собственности, тамги, народный орнамент, материальный быт, шаманство. Как мы увидим ниже, А. Н. Самойлович последовательно и методично выполнял рекомендованную его учителем «программу», останавливая свое внимание на этих темах, представляющих для этнографии первостепенную ценность.

О важном значении, какое А. Н. Самойлович придавал этнографии, свидетельствует и его общение, и близкие связи с одним из крупнейших этнографов — Л. Я. Штернбергом, руководившим совместно с В. В. Радловым научной деятельностью Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук. Именно при этом музее действовал Радловский кружок, постоянным участником которого был А. Н. Самойлович. Благодаря всему этому он унаследовал лучшие традиции отечественной этнографической науки. В его лице тюркология обрела выдающегося и энциклопедически образованного специалиста, в равной степени эрудированного в вопросах, относящихся как к языкам, литературам и фольклору тюркоязычных народов, так и к их этнографии.

Активный интерес А. Н. Самойловича к этнографии нашел выражение не только в его научных трудах, которые будут рассмотрены далее, но и в его многообразной научно-общественной и научно-организационной деятельности.

С 1910 и вплоть до 1915 г. он состоял секретарем Отделения этнографии Русского географического общества, одновременно являясь секретарем Редакционной комиссии Отделения и принимая непосредственное участие в редактировании органа Отделения — журнала «Живая старина»³. А. Н. Самойлович был также членом Сказочной комиссии Отделения этнографии, секретарем вновь образованной Комиссии по составлению этнографической карты России, входя в качестве члена в состав отделов этой комиссии по языку, по жилищам и постройкам, по хозяйственному быту, по одежде и украшениям, по народному искусству. С 1911 г. Комиссия по составлению этнографической карты России стала числиться не при Отделении этнографии, а при Гео-

² А. Н. Самойлович, Профессор Н. Ф. Катанов — первый ученый из абаканских турков, — «Жизнь Бурятии», Верхнеудинск, 1924, № 6, стр. 110.

³ См. выше: Ф. Д. Ашнин, Александр Николаевич Самойлович. 1880—1938, стр. 10.

графическом обществе ⁴. Впоследствии под редакцией А. Н. Самойловича (совместно с С. Е. Маловым) Географическое общество издает капитальный этнографический труд С. И. Руденко «Башкиры» ⁵.

Такой же неутомимой была деятельность А. Н. Самойловича на поприще этнографии и в период после Великой Октябрьской социалистической революции. Он участвует в работе созданной в составе Российской Академии наук Комиссии по изучению племенного состава России (КИПС), с 1919 г. сотрудничает с Этнографическим отделом Русского музея (ныне — Государственный музей этнографии народов СССР). В этом году от него поступают в Отдел коллекция этнографических негативов, снимков и лубочных картин. Затем он передает Отделу два кожаных, орнаментированных вышивкой кисета работы туркменок округа Порсу в Хивинском ханстве, приобретенных на месте в 1908 г., и кожаную раскрашенную фигурку «Кара-Гёза» (персонаж турецкого теневого театра), переданного женщиной, приобретенную им в Константинополе в 1911 г. ⁶.

В ноябре 1922 г. С. Ф. Ольденбург, С. И. Руденко и А. А. Миллер предложили Совету Этнографического отдела Русского музея «избрать на должность помощника хранителя III отделения (Кавказа и Средней Азии. — С. А.) турколога проф. А. Н. Самойловича, всесторонне осветив его научную деятельность и отметив особую ценность привлечения его к работе Этнографического отдела». На своем заседании 16 ноября Совет постановил считать А. Н. Самойловича единогласно избранным на эту должность ⁷. В течение ряда лет он вел в этом крупнейшем хранилище памятников народного быта научную, музейно-собираТЕЛЬскую, организационную и научно-просветительную работу: систематически участвовал в заседаниях Совета Этнографического отдела, выполняя его поручения, в частности по ведению переговоров в Москве об организации экспедиции в Бухарскую Народную Республику; в 1924 г. был делегирован Советом на I Краеведческий съезд Азербайджана, подготовил и издал краткий путеводитель по экспозиции Отдела «Оседлое население Туркестана» (1926), провел одну из воскресных лекций-экскурсий (в январе 1924 г.) на тему «Турецкий народный театр». Музеем также были изданы в 1923 г. написанные А. Н. Самойловичем листовки «Одежда ставропольских туркменок» и «Кукольный театр в Туркестане».

⁴ ЖС, 1910, год 19, вып. 3, стр. 359.

⁵ С. И. Руденко, Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 2. Быт башкир, — ЗРГО по отд. этнографии, 1925, т. 43, вып. 2.

⁶ Научный архив ГМЭ, ф. 2, оп. 1, д. 8, д. 29. Собранные А. Н. Самойловичем этнографические коллекции поступали в Этнографический отдел Русского музея и ранее: в 1911, 1912, 1916 гг.

⁷ Научный архив ГМЭ, ф. 2, оп. 1, д. 48а.

В 1923 г. Совет Этнографического отдела постановил приступить к составлению и изданию справочника о народах СССР и утвердил редакционную комиссию под председательством С. Ф. Ольденбурга, в состав которой наряду с В. В. Бартольдом, Н. Я. Марром, С. И. Руденко и другими был включен и А. Н. Самойлович⁸.

В 1924 г. Этнографический отдел получил в дар от А. Н. Самойловича 13 фотографий донских казаков-некрасовцев (Турция) и 9 лубочных картин из Стамбула. Свое пребывание в Баку на I Краеведческом съезде Азербайджана А. Н. Самойлович использовал для ознакомления с собраниями местных музеев и для установления связи с местными научными учреждениями и музейными работниками. Необходимо добавить, что в промежуток с 1911 по 1919 г. А. Н. Самойлович собрал несколько коллекций, насчитывающих около 90 предметов и отражающих быт ставропольских туркмен, крымских татар, малоазиатских турок и хивинских туркмен. Вместе с указанными выше они вошли в состав собраний Этнографического отдела.

Деятельность А. Н. Самойловича по сбору этнографических коллекций обогатила и Музей антропологии и этнографии Академии наук. Сюда от него в 1908 и 1925 гг. поступило 11 коллекций (всего около 100 предметов), относящихся к быту населения Хивы, узбеков, туркмен, малоазиатских турок и персов, а также почти 190 негативов и фотографий.

Плодотворной была и педагогическая деятельность А. Н. Самойловича на этнографическом отделении географического факультета Ленинградского государственного университета, начавшаяся в середине 20-х годов. Здесь он возглавлял тюркский цикл. Среди его учеников-этнографов такие талантливые исследователи, как Н. П. Дыренкова, А. А. Попов, Л. П. Потапов.

Уже на первых этапах своих научных изысканий А. Н. Самойлович подчеркивал значение для этнографии собираемых им материалов. По его мнению, загадки «являются одним из интереснейших в этнографическом отношении отделов народной словесности»⁹. Так же он оценивал и скороговорки¹⁰. Публикуя материал о народных развлечениях у туркмен, А. Н. Самойлович полагал, что «и в теперешнем своем виде он окажется небызinteressным для этнографов»¹¹.

В другой работе А. Н. Самойлович, имея в виду, очевидно, прежде всего этнографию, отмечает «обилие разнообразного, еще

⁸ Там же. Журнал № 437 заседаний Совета Этнографического отдела от 13.XII.1923 г.

⁹ А. Н. Самойлович, Загадки закаспийских туркмен в русском переводе. . . , — ЖС, 1909, год 18, вып. 2—3, стр. 52.

¹⁰ А. Н. Самойлович, Крымско-татарские скороговорки, — СМАЭ, т. 5, вып. 1, 1918, стр. 198.

¹¹ А. Н. Самойлович, Туркменские развлечения, — «Ежегодник Русск. антропологии. об-ва при СПб. ун-те», т. 3, 1909, отд. отт., стр. 16.

не собранного материала, который обречен часто на близкую гибель благодаря быстро изменяющимся бытовым условиям в тающих эти материалы странах»¹². А. Н. Самойлович ясно представлял себе цели, ради осуществления которых вел неустанную собирательскую этнографическую работу. Он выразил их, в частности, в таких словах: «Одна из главных целей моих этнографических заметок о туркменах — пробудить интерес к изучению этого малоизвестного народа среди местных любознательных людей»¹³. Его радовало появление первых исследователей из местных национальностей Средней Азии «на поприще этнографии как европейской науки».

Большой энтузиазм, вызванный победой Октябрьской революции, вложен в слова А. Н. Самойловича: «... мы не только присутствуем при небывалом строительстве новой жизни, но и сами участвуем в нем, пока живы». И далее он пишет о подготовке и привлечении «новых работников и специалистов, и любителей, особенно из среды самих турецких народов, большая часть коих входит в СССР»¹⁴. Полны уверенности строки, написанные в 1926 г.: «В ближайшее время имеется в виду принять меры к тому, чтобы этнографическая работа (в нее А. Н. Самойлович включает изучение народной литературы. — С. А.) в Туркменистане приняла организованный и планомерный характер»¹⁵. В наши дни этнографическая работа в Туркменистане приняла широкий размах, свидетельством чего служат хотя бы недавно изданные Институтом истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР труды местных этнографов. Вносят свой вклад в изучение этнографии Туркмении и этнографы Москвы и Ленинграда¹⁶.

¹² А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как турколог, — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русск. геогр. об-ва», СПб., 1914, т. 15, вып. 1 (1912), стр. 32.

¹³ А. Н. Самойлович, Загадки закаспийских туркменов... стр. 54.

¹⁴ А. Н. Самойлович, Профессор Н. Ф. Катанов... стр. 112, 113.

¹⁵ А. Н. Самойлович, [рец. на:] «Сборник туркменских народных поговорок, пословиц и загадок». Собран М. Гельдиевым, Полторацк, 1925, — «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 361.

¹⁶ См., например: Я. Р. Винников, Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, М., 1969; Г. П. Васильева, Преобразования быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, М., 1969; А. С. Морозова, Туркменская одежда второй половины XIX — начала XX в., — «Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник», III, Л., 1971, стр. 168—223; А. Оразов, Хозяйство и культура населения Северо-Западной Туркмении в конце XIX — начале XX в., Ашхабад, 1972; Сб. «Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен», Ашхабад, 1973. См. также статьи М. Аннанепесова, Д. М. Овезова, А. Оразова, М. Гельдыханова, К. Атаева, С. Аташиязова, В. Н. Башилова и др. в кн.: «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана», Л., 1973.

Переходя к характеристике научной деятельности А. Н. Самойловича как этнографа, необходимо остановиться на круге изучавшихся им народов, стиле и методах его собирательской и исследовательской работы, ее тематике. Ареал исследовательских интересов А. Н. Самойловича в этногеографическом плане был достаточно широким: в Сибири — якуты, тюркские народы Саяно-Алтая, в Центральной Азии — хотоны, в Средней Азии — туркмены, узбеки, а также казахи, на Северном Кавказе — ставропольские туркмены и ногайцы, в Крыму — татары, караимы и крымчаки и, наконец, тюркские народы Поволжья, а за пределами Юга России и СССР — малоазиатские турки, тюркские народы Афганистана.

Говоря о стиле и методах работы А. Н. Самойловича, мы имеем в виду прежде всего его полевую этнографическую работу — главный источник, из которого он черпал материал для своих исследований. В основе стиля работы А. Н. Самойловича как этнографа лежали его неизменно высокое уважение к изучаемым народам и к тем его представителям, которые являлись для него источником информации, его подлинный демократизм в отношениях с людьми, соблюдение им местных народных обычаев. Все это не могло не способствовать тому, что и местные интеллигенты, и представители администрации, и простые люди охотно открывали А. Н. Самойловичу свои сердца. Но в не меньшей мере этому способствовало и огромное личное обаяние Александра Николаевича, к тому же прекрасно владевшего языками изучавшихся им народов. А. Н. Самойлович хорошо понимал значение полевой работы, любил ее и умело применял самые разнообразные ее приемы. Он стремился использовать любую возможность для общения с представителями этих народов. А. Н. Самойлович посещал туркменские, ногайские аулы, жил в них, наблюдая быт и нравы их обитателей и тщательно фиксируя эти наблюдения. Он обладал острым глазом, отличной памятью, тонкой способностью останавливать свое внимание на деталях, на «мелочах», которые имеют большую ценность для этнографической науки. С поистине профессиональной точностью А. Н. фиксировал все подробности трех родов состязаний, которые он наблюдал у туркменов: скачек, состязания в стрельбе и борьбы. Личное наблюдение всех сторон жизни народа было твердым законом исследователя, который он установил для себя еще на заре своей научной деятельности. Ученый присутствует на многолюдных празднествах по различным поводам общественной и семейной жизни, в частности на свадебных тоях, на тое по случаю постановки новой юрты у туркменов, на «мальчишнике» (накануне свадьбы) у узбеков Ташкента.

Находясь в Хиве, А. Н. Самойлович осмотрел 12 заведений различных цеховых организаций и ознакомился с некоторыми ви-

дами ремесленного производства. Он посещает русско-туземные школы, списывает надписи на некоторых надгробных памятниках ставропольских туркменов, зарисовывает в Крыму на старых кладбищах тамги, нанесенные на могильных камнях, тамги у ставропольских ногайцев, старается не упустить ни одного случая общения с представителями местных национальностей для сбора или уточнения этнографических и фольклорных материалов. Во время поездки на каюке по каналу Шахабад в Хивинском ханстве А. Н. Самойлович на остановках собирает сведения о племенном и родовом составе местного населения. В 1906 г. А. Н. Самойлович ехал вместе с туркменом-муллою в его аул на одной лошади: мулла сидел позади него, но это не помешало ученому вести с ним беседу, позволившую ему внести ясность в некоторые вопросы.

Находясь в Ташкенте, А. Н. Самойлович привлекает воспитанников Учительской семинарии — туркменов для разборки своих туркменских материалов. Студенты, аспиранты, с которыми встречался А. Н. Самойлович, его ученики постоянно служили для него — и в Ленинграде, и в Москве, и в Баку — источником нужной ему научной информации. Он организует сбор этнографических материалов силами местной интеллигенции, составляя для этой цели программы применительно к тому или иному народу. И сам с неизменным постоянством расспрашивает местных жителей, живых носителей старины, и записывает, записывает. . . Названия базаров, ремесленных цехов, отдельных частей человеческого жилья, различных мер, терминология родства, мужские и женские имена, названия домашних животных и их мастей, клички собак (лошади и коровы кличек не имеют, а называются по мастям, — отмечает А. Н. Самойлович для ставропольских туркменов), названия отрезков времени, стран света, некоторых звезд, кушаний, одежды, болезней, приветствия, бранные выражения, благопожелания — таков далеко не полный перечень тех тем, которые интересовали А. Н. Самойловича. Для его этнографических записей характерны обилие и точность терминологии, относящейся к различным явлениям быта. Одновременно он фотографирует, собирает этнографические коллекции, просматривает семейные снимки и т. п.

В отчетах и публикациях А. Н. Самойловича мы постоянно находим упоминания о тех лицах, которые помогали ему в его этнографических разысканиях. Он обязательно называет и своих коллег (профессоров С. Е. Малова, А. Н. Генко, Д. К. Зеленина, Е. Г. Кагарова и др.), от которых получал необходимые ему сведения. А. Н. Самойлович стремился сделать свои работы доступными для большого круга этнографов и в то же время проявлял максимальную осторожность в выводах и суждениях, призывая к исследованию еще не вполне ясных, с его точки зрения, вопросов. Характеризуя взгляды М. А. Кастрена, А. Н. Самойлович

указывал: «Этой осторожности в отношении к недостаточно разработанным этнологическим вопросам весьма не мешало бы поучиться у незабвенного Кастрена и некоторым из современных работников на ниве турковедения»¹⁷.

Многие этнографические работы А. Н. Самойловича отличаются историческим подходом к исследуемым явлениям. Применяемый им сравнительно-сопоставительный метод позволяет ставить вопрос о генезисе тех или иных явлений. Он сопоставляет этнографические факты с данными исторических источников и литературных памятников. Касаясь, например, своих впечатлений о свадебном пире в Ташкенте, А. Н. Самойлович вспоминает в этой связи страницы «Бабур-наме» и «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха. Обращаясь к освещаемому Н. С. Лыкошиным вопросу об ишанах, он снова вспоминает место из «Записок» Бабура, где рассказывается о дяде Бабура Султан-Ахмед-мирзе¹⁸. Рассматривая термины для заговоров, А. Н. Самойлович приводит упоминаемый у Навои термин *julan arbaзы* 'заговор от змей'¹⁹. Свое отношение к сравнительному методу он выразил в следующих словах: «Трудно понимать отдельные заговоры одного племени без привлечения к делу сравнительного материала по заговорам у различных турецких племен»²⁰. Установив факт присутствия следов сказки «40 небылиц», с одной стороны, у татар Крыма, с другой — у «абаканских турок Енисейской губернии», А. Н. Самойлович приходит к выводу, что эта сказка — домульманского происхождения²¹.

Необычайно широким, весьма разнообразным был и круг этнографических сюжетов, которые разрабатывал или которых в той или иной степени касался А. Н. Самойлович. В целом ряде своих трудов он не ограничивался описанием фактов, но и делал важные научные выводы и обобщения. Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что все этнографические работы А. Н. Самойловича «носят характер эмпирических исследований»²². Это, конечно, не так. Хотя большинство выводов автора, естественно, не имеет специального теоретического значения с точки зрения этнографической науки, это не уменьшает их большой ценности. Следует назвать хотя бы работу А. Н. Самойловича о казахах,

¹⁷ А. Н. Самойлович, Кастрен — турковед, — «Памяти М. А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти». Л., 1927, стр. 86.

¹⁸ А. Н. Самойлович, [рец. на:] Н. С. Лыкошин, «Хороший тон» на Востоке. . ., Пг., 1915, — «Восточный сборник», кн. 2, Пг., 1916, стр. 195, 196.

¹⁹ А. Н. Самойлович, Туркменские заговоры, — ЖС, 1912, год 21, вып. 1, стр. 119.

²⁰ Там же, стр. 118.

²¹ А. Н. Самойлович, Сказка «Сорок небылиц» по туркменскому, узбекскому и киргизскому вариантам, — ЖС, 1914, год 21, вып. 2—4, стр. 480.

²² Ф. Д. Ашниц, А. Н. Самойлович. 1880—1938, стр. 23.

живших в Ойротской автономной области (ныне — Горно-Алтайская автономная область)²³. Она представляет собой, по существу, небольшую, но оригинальную монографию, освещающую малоизвестную группу казахов и содержащую важные оценки и заключения.

Придерживаясь существующей в этнографии классификации, можно в качестве основных назвать следующие направления исследований А. Н. Самойловича: этнические проблемы, хозяйство и материальная культура, социальные отношения, духовная культура.

Одним из важных направлений в этнографических изысканиях ученого являлся комплекс вопросов, относящихся к этнической номенклатуре и этническому составу тюркоязычного населения СССР, отчасти к их этнической истории, к их этническим взаимоотношениям. Большой заслугой А. Н. Самойловича нужно считать попытку внести ясность в разработку вопроса о так называемых сартах. В своей работе «К вопросу о сартах»²⁴ А. Н. Самойлович не только критикует неверную трактовку понятия «сарты» как этнической категории, но и намечает пути правильного решения этой проблемы. Он предлагает во мнениях о значении слова «сарт» различать: 1) вопрос о первоначальной народности и первоначальном языке сартов (историческая точка зрения); 2) народность и язык нынешних сартов (современная точка зрения); 3) употребление слова «сарт» в других значениях кроме этнического, а именно: а) в бытовом и б) насмешливо-бранном; 4) этимология слова «сарт». Придерживаясь единственно правильной точки зрения, отрицающей однозначное решение вопроса, А. Н. Самойлович дает толкование этнонима «сарт» во всех намеченных им аспектах. Еще в рецензии на статью А. Калмыкова «Хива» он подчеркнул, что в Хиве обитают отореченные потомки прежнего иранского населения страны — сарты и узбеки разных племен. При этом, пишет он, «издавна оседлыми являются только сарты, а узбеки в оседлом быту — новички. . . особое место для кибитки и сама кибитка (кара-ої) имеются и у всех хивинских сановников, и у простых узбеков»²⁵.

²³ А. Н. Самойлович, Казаки Кошагацкого аймака Ойротской автономной области, — «Казаки. Сборник статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции 1927 г.», № 3, Л., 1930 («Материалы Комиссии экспедиционных исследований», вып. 15. Серия Казахстанская), стр. 303—327.

²⁴ А. Н. Самойлович, К вопросу о сартах. [Рец. на: Н. П. Осетров, Сарты. Этнографические материалы. Общий очерк, Ташкент, 1908, 3-е дополненное издание], — ЖС, 1910, год 19, вып. 3.

²⁵ А. Н. Самойлович, [рец. на:] А. Калмыков, Хива. (Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 12-й, Ташкент, 1908), — ЖС, 1909, год 18, вып. 1, стр. 114.

Названный этюд как бы подводит черту под противоречивыми и путанными толкованиями понятия «сарт». Заклучая его, автор подчеркивает: «Побывав в Хиве, я считаю себя вправе с уверенностью отстаивать этническое значение слова сарт пока только для Хивинского ханства»²⁶. Правда, в других работах он замечает, что сартами называли и часть оседлого населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса. Общий смысл выводов, к которым приходит А. Н. Самойлович, свидетельствует о его правильном понимании сложного процесса сложения узбекской народности²⁷, который позднее был хорошо проанализирован А. Ю. Якубовским²⁸. Исчерпывающий ответ на вопрос о значении этнонима «сарт», чрезвычайно близкий к взглядам А. Н. Самойловича, мы находим в капитальном издании Института этнографии АН СССР: «Сарты у узбеков составляли тот первоначальный пласт, который образовался в результате тюркизации древних оседлых ираноязычных народов и оседания древних тюркоязычных народов Средней Азии. В XIX—начале XX в. население, именовавшее себя сартами, было сосредоточено в долинах Чирчика и Ангрена, в Ферганской долине, по Кара-Дарье и нижнему течению Нарына, а также в Хорезме, где этот этноним являлся до недавнего времени самоназванием южной группы узбеков»²⁹.

Особое внимание А. Н. Самойлович уделил этническому названию «татарин». Он подчеркивал неправомерность злоупотребления этим именем, прилагавшимся к этническим группам, которые никогда татарами не были, вроде минусинских и восточно-туркестанских тюрков. В этой связи автор отмечает внедрение в научный язык, в частности В. В. Радловым («Aus Sibirien») и Н. Ф. Катановым («Письма из Сибири»), излишнего, в качестве объединяющего группу племен, а не племенного названия, имени «татар»³⁰. Он отмечает, что имя «татарин», как «племенное», имеет все права на существование, вопреки мнениям об его «антинаучности».

²⁶ А. Н. Самойлович, К вопросу о сартах, стр. 269.

²⁷ См.: А. Н. Самойлович, Турецкие и монгольские элементы в населении Афганистана, — «Афганистан (Сборник статей)», ч. 1, М., 1923, стр. 107.

²⁸ См.: А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941.

²⁹ «Народы Средней Азии и Казахстана. Этнографические очерки», т. I, М., 1962 (серия «Народы мира»), стр. 170.

³⁰ А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как тюрколог, стр. 25; е г о ж е, Среди ставропольских туркменов и ногайцев и у крымских татар (Отчет о командировке в 1912 г.), — ИРКСА, сер. II, 1913, № 2, стр. 58; е г о ж е, Кастрен — турковед, стр. 81. Современную трактовку вопроса об этнониме «татары» см.: Г. Ф. Б л а г о в а, О русском наименовании тюрков и тюркских языков (композицы и становление тюркской этнонимо-лингвистической терминологии в русском языке), — СТ, 1973, № 4, стр. 13—18.

Заинтересовал ученого и этноним «казак». А. Н. Самойлович внимательно рассмотрел существовавшие к тому времени взгляды на происхождение этого этнонима и показал их несостоятельность. Вопреки мнениям о древнем происхождении этнонима и попыткам его этимологизации на основе «народного осмысления», А. Н. Самойлович, опираясь на первоисточники, доказывает, что слово «казак» имело нарицательное значение в тюркских языках до образования казахского государственного объединения XV в. (но не ранее XIII в.) и во время этого образования. Оно существовало как социальный термин, означающий «разбойник», «мятежник», «авантюрист». Позднее этот социальный термин превращается в этнический³¹. Выводы А. Н. Самойловича не оставили никакой почвы под «теориями», возводившими этноним «казак» к X—XI вв. Но в дальнейшем делались новые попытки «удревнить» этот этноним и отнести его возникновение к IX—X вв. (Х. М. Адильгиреев, М. Б. Ахинжанов, В. Ф. Шахматов и др.). Понадобилось еще раз вернуться к истории этнонима «казак». В своем небольшом, но насыщенном фактами исследовании покойный казахский историк С. К. Ибрагимов убедительно поддержал основные положения А. Н. Самойловича. Широко привлекая данные письменных источников, он проследживает эволюцию значения слова «казак». В XIII—XV вв. это слово употребляется в смысле «скиталец, вольный изгнанник, бродяга» (социальный термин, по А. Н. Самойловичу); с конца XV в. оно приобретает политический характер, употребляясь как название отдельных феодальных владений; с начала XVI в. термин «казак» начинает приобретать этнический характер³². После опубликования работы С. К. Ибрагимова обсуждение вопроса об этнониме «казак», своевременно поднятого А. Н. Самойловичем, было продолжено³³.

³¹ А. Н. Самойлович, О слове «казак», — «Казакки. Антропологические очерки», Л., 1927 (Материалы ОКИСАР, вып. 11); ср. В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и в России, изд. 2, Л., 1925, стр. 217, 231.

³² С. К. Ибрагимов, Еще раз о термине «казак», — «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», Алма-Ата, 1960, стр. 66—71.

³³ См.: A. v. Gabaïn, Kazakentum, eine Sociologisch-philologische Studie, — AO Bud., 1960, XI, стр. 161—167; е е ж е, Kazaklık, — «J. Nemeth Armağanı», Ankara, 1962, стр. 167—170; А. Курьшжанов, Семантика слова «казак» в рукописи XIII в., — «Вопросы казахской филологии», Алма-Ата, 1964, стр. 176—183 (на казах. яз.); G. Doerfer, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd III, Wiesbaden, 1967, стр. 462—468; «Дискуссия о термине „казак“», — «Известия АН КазССР. Серия общественная», 1968, № 2, стр. 93; Г. Ф. Благова, Исторические взаимоотношения слов «казак» и «казах», — «Этнонимы», М., 1970, стр. 143—159; А. Т. Кайдаров, Е. К. Койчубаев, К лингвистическому объяснению этнонима «қазақ», — «Вестник АН КазССР», 1971, № 2, стр. 47—51. Указаниями на приведенную здесь библиографию я обязан А. Н. Конову, за что выражаю ему искреннюю признательность.

Неизменный и пристальный научный интерес проявлял А. Н. Самойлович к этнической истории туркменов — закаспийских, ставропольских, хорезмийских, к их племенным и родовым делениям, к их этнической номенклатуре. Он систематически собирал материалы о туркменских этнонимах, но, к сожалению, большую часть их не успел обработать. В своем крупном исследовании, посвященном туркменской исторической поэме XIX в., А. Н. Самойлович скрупулезно учитывает такого рода данные³⁴. Как и в ряде других трудов, здесь он также подчеркивает, что современные туркмены — прямые потомки огузов³⁵, приводит ряд ценных сведений, относящихся к их этнической истории. Подобные сведения мы находим и в других работах автора, а также узнаем из них, что он собирал рукописные туркменские генеалогии, сочинения по истории туркменов с легендарных времен и т. п. Классифицируя поэтические произведения туркменов, автор исходит из племенной принадлежности поэтов (текинские, йомудские, сарыкские, гёкленские, емрелинские и др.³⁶). Он обращает внимание на народные туркменские предания и воспоминания, поскольку они сохранились в труде Абулгази «Родословное древо туркменское»³⁷ и в рукописных памятниках туркменского прошлого. А. Н. Самойлович подчеркивает роль цифры 24 в родоплеменном делении текинцев, сопоставляя ее с 24 племенами, якобы произошедшими от 24 внуков Огуз-хана³⁸. А. Н. Самойлович так же внимательно рассматривает родовой состав кошагачских казахов, приводит записи родословных сказаний, боевых кличей (уранов), тамги и т. п.³⁹.

Все это свидетельствует о том, что А. Н. Самойлович придавал большое значение данным о родо-племенных подразделениях, народным преданиям и генеалогиям, этнонимии как ценнейшему источнику для изучения этнической, социальной и культурной истории тюркоязычных народов. Необходимо особенно подчеркнуть значение этого источника, поскольку в последнее время

³⁴ «Абду-с-Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX в.». Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А. Н. Самойлович, СПб., 1914.

³⁵ См. последнее исследование: С. Г. А г а д ж а н о в, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969.

³⁶ А. Н. С а м о й л о в и ч, Из туркменской старины, — «Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина», СПб., 1909 (ЗИРГО по отд. этногр., т. 34); е г о ж е, Из туркменской старины. II. Мервские воспоминания, — ЖС, 1909, год 18, вып. 4.

³⁷ См.: А. Н. К о н о н о в, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского, М.—Л., 1958.

³⁸ А. Н. С а м о й л о в и ч, [рец. на:] А. А. Семенов, Очерки из истории присоединения вольной Туркмении. . . , — ЖС, 1909, год 18, вып. 2—3, стр. 297—298.

³⁹ А. Н. С а м о й л о в и ч, Казаки Кошагачского аймака. . . , стр. 306, 307—311.

приходится сталкиваться с фактами недооценки данных о родоплеменных делениях у кочевых и полукочевых в прошлом тюркских народов.

Ближайшее отношение к этнической номенклатуре Средней Азии имеет важное наблюдение А. Н. Самойловича, относящееся к термину «тат». Как он установил, татами туркмены называли исконных оседлых жителей среднеазиатских ханств независимо от того, говорили ли они на родном языке иранского корня или уже перешли на тюркский язык. Казахи, каракалпаки, узбеки к татам не причислялись⁴⁰. Характерно, что, как самоназвание, термин «тат» в Средней Азии не сохранился⁴¹.

К существенному выводу, совпадающему с мнением Б. Я. Владимирцова, пришел А. Н. Самойлович в вопросе о происхождении центральноазиатской этнической группы хотонов. На основании анализа записей Г. Н. Потанина, относящихся к языку, легендам и верованиям хотонов, он отводит преобладающую роль в образовании этой группы уйгурам Восточного Туркестана и киргизам⁴². И действительно, легенда о происхождении поколения сарыбаш (очевидно, *сары багыш*) от сорока девиц — явно киргизского происхождения. Среди названий хотонских родов имеются Аджу-Хурмян (ср. подразделение курманкоджо киргизского племени чекир-саяк) и Тога (ср. ветвь тагай «правого крыла» киргизов). А. Н. Самойлович отмечает сильный «кыргызский» элемент в языке хотонов.

В свете последних изысканий Л. П. Потапова может быть окончательно решен поднятый А. Н. Самойловичем «кумандинско-лебединский вопрос». Он не считал нужным делить эти группы на два отдельных племени⁴³. Между тем лебединцы (куу кижы, или челканцы) и кумандинцы — особые, хотя и близкородственные, этнические группы, которые, как и шорцы, должны быть уверенно отнесены к северным алтайцам⁴⁴. После обстоятельных этнографических исследований, проведенных покойным А. А. Поповым среди долган, нельзя согласиться с замечанием А. Н. Самойловича, что «при картографировании нет нужды отмечать долган отдельно от якутов»⁴⁵.

⁴⁰ А. Н. Самойлович, По поводу издания Н. П. Остроумова «Светоч ислама», — ЗВОРАО, 1908, т. 18, стр. 0160—0161.

⁴¹ См.: Ф. Д. Люшкевич, Термин «тат» как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье, — СЭ, 1971, № 3.

⁴² Б. Владимирцов и А. Самойлович, Турецкий народец хотоны, — ЗВОРАО, 1916, т. 23, стр. 278—290.

⁴³ А. Н. Самойлович, Приложение к списку сибирских турок (приложение к кн.: С. К. Патканов, Список народностей Сибири), Пг., 1923, стр. 13.

⁴⁴ Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969, стр. 22.

⁴⁵ А. Н. Самойлович, Приложение к списку сибирских турок, стр. 12.

Заканчивая обзор данного цикла исследований А. Н. Самойловича, следует отметить, что он проявляет подлинно исторический подход и в вопросах этнической классификации. Касаясь, например, тюркских народов Северного Кавказа, он относит кумыков, карачаевцев и балкарцев к домонгольскому населению этого края, ногайцев же — к послемонгольскому⁴⁶.

Что касается других разделов этнографии, которым уделял внимание ученый, то можно сказать, что хозяйству и материальной культуре повезло менее всего. Правда, в различных отчетах, заметках, рецензиях А. Н. Самойлович отмечает некоторые существенные детали, относящиеся к этим областям быта, указывает на произведенные им записи названий тканей, яств, одежды и т. п.

Хозяйство местного населения не привлекало внимания исследователя, он лишь попутно останавливается на некоторых его сторонах. Отмечает упоминание в туркменской исторической поэме XIX в. о процветании земледелия в Ахале и Мерве, пишет о земледелии в Хивинском ханстве⁴⁷; касаясь искусственного орошения, он упоминает почти неизбежную его принадлежность — чигирь («чыгыр»), приводимый в действие лошадьми, быками, верблюдами, а на больших каналах — и течением воды. А. Н. Самойлович отмечает и такую характерную особенность быта обитателей Хорезма, как лодки. Он видел три их образца, отличающихся и размерами, и названиями. Помимо парусов пользуются для передвижения шестами, лямкой и веслами.

Исследователь уделил внимание и ремесленным производствам в Хиве. Он перечисляет осмотренные им заведения: мастерскую шелковых тканей, круподерню, кунжутный завод, папочную мастерскую, глинообжигательный завод, хлебопекарню, базар глиняной посуды, завод глиняных печей для хлеба, мастерскую золотых дел мастера и др.⁴⁸. Описаний этих производств не было опубликовано. Этот пробел был позже успешно восполнен узбекским ученым, подробно изучившим основные ремесла южнохорезмских узбеков⁴⁹.

Но отсутствие законченных характеристик хозяйства и материальной культуры изучавшихся народов с лихвой перекрывается музейными коллекциями, которые были собраны А. Н. Самой-

⁴⁶ А. Н. Самойлович, Среди ставропольских туркменов. . ., стр. 60.

⁴⁷ А. Н. Самойлович, Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство в 1908 г., — ИРКСА, 1909, № 9, стр. 26.

⁴⁸ А. Н. Самойлович, Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство, стр. 20.

⁴⁹ И. М. Джаббаров, Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк), — «Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник», III, Л., 1971, стр. 72—146.

ловичем. Входящие в них предметы являются теперь в значительной мере уникальными, поскольку они уже навсегда ушли из быта туркменов и узбеков, у которых преимущественно и были найдены.

Среди коллекций, собранных А. Н. Самойловичем, имеются предметы, приобретенные у местных ремесленников. Среди них — ножи («пчак»), железные, с костяными и роговыми ручками, купленные в г. Ходжейли, который, по замечанию собирателя, славится производством ножей⁵⁰, а также ножны для кинжала из красной кожи и футляр для чашки — «пиаладан»⁵¹.

Самое видное место среди коллекций А. Н. Самойловича занимают образцы одежды. Благодаря строго научному подходу к подбору экспонатов в этих коллекциях преобладают целые комплекты. Им были приобретены для Этнографического отдела Русского музея у ставропольских туркменов костюмы молодой женщины, девушки, взрослого мужчины и мальчика⁵². Собиратель отмечает интересную принадлежность женской одежды — покрывало («чембер») в виде вытянутого треугольника из красного шелка, закрывающее уши, плечи, спину и грудь до талии и спускающееся сзади острым углом до ног. Лицо остается открытым⁵³. Это покрывало очень близко по форме к казахскому покрывалу «кимешек».

В Музей антропологии и этнографии поступили полные комплекты мужского и женского костюма узбеков — рядовых горожан («простолюдинов») г. Хивы⁵⁴. Описи ко всем этим коллекциям содержат весьма ценные комментарии собирателя. Дополняют их его публикации и поступившие от него негативы и фотографии, на которых запечатлены различные виды одежды и головных уборов.

В комплект костюма «узбека-хивинца» входят рубаша из белой маты («куйлак»), штаны с гашником, стеганный на вате халат из бумажной полосатой ткани, халат из грубого лощеного шелка кустарного производства («астардан»), кушак из трех неразрезанных головных платков. Он «повязывается поверх того халата, который надевается на рубашу, т. е. ватного, без которого простые хивинцы обходятся редко. Высший и средний классы городского населения Хивинского ханства поверх рубахи носят не халат, а „кямзор“, носимый и ташкентскими сартами („кямзил“). Эта

⁵⁰ Колл. МАЭ 1276—1,2 (1908 г.), 3174—2 (1925 г.). По устному сообщению М. В. Сазоновой, одним из местных центров изготовления ножей является еще с. Пчакчи (слово имеет значение «ножовщики»).

⁵¹ Колл. МАЭ 3175—1,2 (1925 г.).

⁵² Колл. ГМЭ 2857 (1912 г.).

⁵³ А. Н. Самойлович, Одежда ставропольских туркменок, [Пг.], [1923] (Рус. музей. Этногр. отдел. [Издания], вып. VI).

⁵⁴ Колл. МАЭ 1272—1—4 (1908 г.).

одежда заимствована среднеазиатцами от восточно-русских турок, называемых русскими „татары“, а среднеазиатцами — „ногай“. Камзол бывает легкий — летний и теплый, который носят и зимой и летом»⁵⁵. Далее следует халат из сукна («чекмен»), который носят обычно вне дома, шуба из овчин, отделанных в виде желтоватой замши («посгун»), тюбетейка бархатная («такья»), папаха («чоурма») из белой бараньей шкуры с длинной шерстью, в форме усеченного конуса⁵⁶. А. Н. Самойлович считал, что «форма теперешней шапки („чöүрмэ“) — туркменско-иомудская; раньше хивинцы носили шапки не придавленные сверху, а высокие, кверху расширяющиеся»⁵⁷. И наконец, сапоги кожаные («ак едык») с высокими голенищами. Наружная их сторона выделана в виде желтоватой замши. В сапоги вложены войлочные чулки («тейдык»), которые обычно из них не вынимаются. Выступающая из сапога часть чулка украшена спереди аппликацией в виде черных и красных зубцов из нашитых тряпочек. Эти украшения М. В. Сазонова относит к древнему типу.

Особый интерес представляет находящаяся в другой коллекции мужская шапка конусообразной формы, на подкладке, простеганная, из бухарского шелка. «При надевании под барашковую папаху конус вдавливается внутрь. . . Конусообразные колпаки вывелись в Хивинском ханстве из употребления постепенно, когда прежняя высокая папаха стала вытесняться низкой, широкой туркменской папахой (чöүрмэ); конусообразные колпаки теперь остались отчасти у чоудоров (туркменов округа Порсу, Хивинское ханство. — С. А.) и в глухих местах у узбеков»⁵⁸. Как считает М. В. Сазонова, эта шапка является по своему покрою весьма древней и может быть уверенно сопоставлена с кулахом Мавлона Шарифа, описанным О. А. Сухаревой и датировемым не позднее XVII в.⁵⁹.

Костюм узбечки-хивинки (молодой замужней женщины) включает в себя рубаху-платье из ситца, штаны из красного ситца, халат («јелек») из полосатого бархата, стеганный на вате, халат («переджэ») из бумажной лощеной ткани, с ложными рукавами, заложенными за спину, носимый вне дома, тюбетейку парчовую, лицевое покрывало из черного конского волоса, сапоги с корот-

⁵⁵ Колл. МАЭ 1272—1-е.

⁵⁶ Автор не только отмечает разницу в цвете мужских головных уборов — тельпеков у туркменов, но и в форме мервского и ахальского тельпека у текинцев (см.: А. Н. Самойлович, Туркменский поэт-босаяк Кёр-Молла и его песня о русских, — ЖС, 1907, год 16, вып. 4, стр. 217).

⁵⁷ А. Самойлович, [рец. на:] А. Калмыков. Хива. . ., стр. 113.

⁵⁸ Колл. МАЭ 1271—5 (1908 г.).

⁵⁹ О. А. Сухарева, Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в., — «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», Л., 1970 (СМАЭ, т. XXVI).

кими мягкими голенищами, выворотные, из красной сафьяновой кожи, туфли бархатные, украшенные орнаментом, носки шерстяные, вязаные, с узором, еще один халат из бумажной полосатой ткани, стеганный на вате, и головной убор-лечек⁶⁰. Он состоит из тюбетейки («топы») стеганой, с собранной макушкой, на которую сверху наверхено в виде чалмы (и закреплено) четыре полотнища ткани. Собиратель отмечает, что это — головной убор деревенских жителей, узбечек и сартянок.

Ценными предметами в одной из коллекций можно считать уже давно вышедшие из употребления серьги, которые носили в носу городские женщины-хивинки (золотая, приобретена в Старом Ургенче) и туркменки племени чоудор (серебряная позолоченная, приобретена в Порсу)⁶¹. Носили также массивные серебряные кольца с цветным стеклом вместо камня⁶².

В составе коллекций имеются и предметы конского снаряжения: покрывало ковровое на седло и ковровая подпруга⁶³, приобретенные у туркмен племени чоудор, туркменская и узбекская нагайки⁶⁴ и другие экспонаты. Среди коллекций, хранящихся в ГМЭ, представлены предметы быта ставропольских туркмен, крымских татар, малоазиатских турок и туркмен Хивы⁶⁵. Существенные замечания об одежде оседлого населения Средней Азии и Восточного Туркестана читатель найдет в составленном А. Н. Самойловичем путеводителе по экспозиции на эту тему, подготовленной, несомненно, при его участии⁶⁶.

Отдельные наблюдения ученого, относящиеся к жилищу, также не лишены интереса. Описывая быт ставропольских туркмен, он отмечает, что «некоторые оседлые туркмены имеют кроме домов и кибитки, которые стоят на дворе, а иногда на летнее время вывозятся за село; такое пользование двояким жилищем наблюдается и в Хиве, и в Закаспийской области»⁶⁷. Добавим, что такое же «двоякое» жилище наблюдалось еще в 1940—1950-х годах у бывших кочевников-казахов и киргизов; оно является характерной чертой для народов, переходивших от кочевого к оседлому образу жизни.

⁶⁰ Колл. МАЭ 1272—2—4.

⁶¹ Колл. МАЭ 1275—1,2 (1908 г.).

⁶² Колл. МАЭ 3175—6.

⁶³ Колл. МАЭ 1271—1,2.

⁶⁴ Колл. МАЭ 3175—7; 3174—3.

⁶⁵ Колл. ГМЭ 3766, 3879 (1911 г.), 2857 (1912 г.), 1069 (1916 г.), 3825 (1919 г.).

⁶⁶ А. Н. Самойлович, Оседлое население Туркестана, [б. м.], [б. г.] (Русский музей. Ленинград. Этнографический отдел. Краткие путеводители).

⁶⁷ А. Н. Самойлович, Среди ставропольских туркмен. . . , стр. 67.

У тех же туркменов А. Н. Самойлович подробно записал названия всех предметов, находившихся в юрте, заметив, что в правой ее части хозяйничает женщина, а в левой — сложены постели, одежда, вещи мужа. Как говорили ученому кошагачские казахи, кочевое жилище должно обращаться выходом на север. Но, пишет автор, «по моим наблюдениям, фактически выход кибитки смотрит скорее на северо-восток»⁶⁸. И далее, разъясняя значение казахских названий «сол тюстюк» и «онг тюстюк», А. Н. Самойлович подчеркивает, что они соответствуют древнейшим известным нам «туруцким» названиям севера — левая сторона и юга — правая сторона, указывающим ориентацию на восток, на восходящее солнце, и говорит, что их надо рассматривать как «пережиток почитания. . . турецкими предками страны восходящего солнца»⁶⁹.

Следующий раздел этнографических изысканий А. Н. Самойловича освещает социальные и в том числе семейные отношения у ряда тюркских народов. Приводимые им данные имеют иногда, к сожалению, фрагментарный характер. На первое место в этом разделе с полным основанием должен быть поставлен труд ученого «*Богатый и бедный* в тюркских языках»⁷⁰. Он представляет собой смелую и оригинальную попытку этно-лингвосоциологического исследования этапов развития основных социальных категорий, основанного на данных тюркских языков. Автор поставил себе цель «проследить историю слов *богатый* и *бедный* в социальном их значении, начиная с весьма давних времен варварства (по терминологии Морган — Энгельса), со времен бесписьменных и кончая современностью». Со своей задачей автор справился блестяще. Несмотря на то что на исследовании сказалось влияние так называемого «нового учения о языке», оно содержит исключительно богатый материал для историков, социологов и этнографов, который позволяет отчетливо представить картину эволюции социальных явлений в их тесной связи с экономическим базисом.

Для этнографии представляют особый интерес те страницы исследования, которые касаются этнических, религиозных, историко-социальных сюжетов. А. Н. Самойлович ставит в связь со словами *bay* и *bajan* название племени огузов — *bayandur*, а также этническое название в орхонских надписях — *Bayirqu* и якутское название духов — покровителей охотников и рыболовов — *bayanaу* или *bayianaу*. «К области верований, — пишет автор, — относится также название *Bay ülgen* у алтайцев и, думается мне, употребление слова *bay* в сочетании с названиями

⁶⁸ А. Н. Самойлович, Казаки Кошагачского аймака. . ., стр. 313.

⁶⁹ Там же, стр. 317. Об ориентации входа в юрту у казахов и киргизов см.: С. М. Абрамзон, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971, стр. 116—117.

⁷⁰ ИАН СССР, отд. общественных наук, 1936, № 4, стр. 21—66.

деревьев и цветов»⁷¹ у казахов, алтайцев, шорцев (приводятся еще тувинские *Ray tauya* и *Rayan Taıdı*).

Весьма плодотворно толкование слова *bayquş* ('мелкая сова', 'сыч'), употребляющегося в значении «бедняга». Автор отмечает, что сова, сыч у ряда народов считаются птицей несчастья, и поэтому предполагает, что название сыча — *bayquş* — было перенесено в некоторых тюркских языках на несчастного, бедного человека⁷².

Ученый отмечает, что в казахском и казанскотатарском слово *bay* кроме значения «богатый» имеет еще значение «хозяин», «муж», а в казахском также и «герой», «предводитель»⁷³. В узбекском *baybičä*, казахском *baybiša* 'старшая жена' автор находит соединение слов *bay* 'богатый', 'хозяин' и *bičä* или *bikä* 'царица', 'женщина'⁷⁴. Представляется весьма метким сопоставление слов *beg* и *bay* и их производных: «значение слов *beg* и *bey*, *biy*, *piy* связано в феодальный период главным образом с понятием в л а с т и, а значение слов *bay*, *ray*, *rayan* — с понятием в л а д е н и я (разрядка моя. — С. А.)»⁷⁵.

Мы привели лишь некоторые образцы исследовательского анализа, примененного А. Н. Самойловичем для рассмотрения всего многообразия значений слов «богатый» и «бедный» в различные исторические эпохи. При известной спорности некоторых положений автора этот его труд привлекает и еще долго будет привлекать внимание исследователей. Сюда же примыкает и небольшой этюд А. Н. Самойловича, посвященный анализу «мистического» (по словам В. Томсена) слова *bel* енисейских надписей⁷⁶ (в действительности *el* 'племя', 'орда', 'государство').

Подвергая исследованию туркменскую историческую поэму XIX в., А. Н. Самойлович освещает многие стороны социальной структуры туркменского общества, для которого было характерно переплетение развитых феодальных и патриархально-племенных отношений⁷⁷. С одной стороны, ханы, сердары, батыры, беги, с другой — четко оформленная родо-племенная система, родовые старшины (аксакал, кегхуда), советы или съезды народных представителей — «маслахат», решавшие вопросы о войне, мире, выборные ханы⁷⁸. К сожалению, родо-племенная номенклатура ока-

⁷¹ А. Н. Самойлович, *Богатый и бедный в тюркских языках*, стр. 32.

⁷² Там же, стр. 45, 46.

⁷³ Там же, стр. 32.

⁷⁴ Там же, стр. 33.

⁷⁵ Там же, стр. 34.

⁷⁶ А. Н. Самойлович, *Не «идол», а «племя»*, — СЭ, 1935, № 6.

⁷⁷ А. Н. Самойлович, *Абду-с-Саттарказы*. Книга рассказов о битвах текинцев. . .

⁷⁸ Там же, стр. 134; см. также: А. Н. Самойлович, *Из туркменской старины*, II. Мервские воспоминания, стр. 81.

залась недостаточно исследованной. Как отмечает А. Н. Самойлович, автор названной поэмы в значении племени употребляет *اهل* и *ايل* и один раз термин *تيره* 'колено'. У кошагачских казахов А. Н. Самойлович называет термин для поколения (*ата*), у ставропольских туркменов — для рода (*пу*) и для колена (*табын*)⁷⁹. Заслуживают внимания приводимые ученым данные о структурных единицах у казахов (например, Кулджабайдынг баласы, Джетиген баласы и др.)⁸⁰, которые идентичны исследованным у казахов же и народов Средней Азии семейно-родственным группам⁸¹.

Определенное научное значение имеют наблюдения А. Н. Самойловича (правда, отрывочные), относящиеся к цеховым мусульманским организациям (ремесленные цеха), существовавшим в Крыму. Здесь были приобретены копии с уставов, «селеф-намэ» («рисоля» в Средней Азии), цехов хлебопеков, кожевников, а также земледельцев, копия таблицы с именами святых покровителей — пиров различных цехов. В Карасубазаре ученый посетил духовного главу местных цехов — «накыба», у которого видел цеховое знамя⁸². Сравнение данных о крымскотатарских и среднеазиатских цеховых организациях могло бы привести к интересным выводам, но исследователь не успел это осуществить.

А. Н. Самойлович отмечает существование общественной дисциплины не только у прочно оседлого населения Средней Азии, но и у полуседлого, а также у кочевников. В этой связи он вспоминает грандиозный той под Мервом: «. . .тысячная толпа туркменов сама поддерживала образцовый порядок и во время скачек, и во время борьбы без всякого постороннего вмешательства»⁸³. Видную роль и на этих многолюдных собраниях, и во многих других случаях туркменской жизни играли глашатаи, герольды-джарчы. Они приглашали, в частности, представителей разных родов участвовать в состязаниях. А. Н. Самойлович записал ураны, т. е. кличи на скачках и на войне, хивинских узбеков, каракалпаков, казахов⁸⁴.

Некоторое место в этом разделе исследований ученого заняли вопросы, относящиеся к семейно-брачным отношениям. Он произ-

⁷⁹ А. Н. Самойлович, Среди ставропольских туркменов. . . , стр. 62.

⁸⁰ А. Н. Самойлович, Казаки Кошагачского аймака. . . , стр. 309—310.

⁸¹ См.: М. С. Абрамзон, Киргизы. . . , стр. 181—197.

⁸² А. Н. Самойлович, Среди ставропольских туркменов. . . , стр. 55—58.

⁸³ А. Самойлович, [рец. на:] Н. С. Лыкошин, «Хороший той» на Востоке. . . , стр. 192; е го же, Туркменские развлечения, стр. 2.

⁸⁴ А. Н. Самойлович, Два отрывка из «Хорезм-намэ», — ЗВОРАО, 1910, т. 19, стр. 083; е го же, Казаки Кошагачского аймака. . . , стр. 310.

водил записи терминологии родства, лишь отчасти нашедшие отражение в печати⁸⁵. Его интересные соображения по поводу термина «фер-набире» (правнук)⁸⁶ требуют внесения коррективов, поскольку они относятся лишь к потомству по мужской линии, тогда как для потомков по женской линии у казахов и киргизов, например, существует особая терминология (ср. кирг.: *жэнчер*, *тогончор* и др.).

Основываясь на материалах, собранных главным образом среди закаспийских туркмен и хивинских узбеков, А. Н. Самойлович сообщает ценные данные о наречении имени у тюркских народов, уточняет некоторые сведения и описывает некоторые обычаи, связанные с этой стороной быта. Он высказывает пожелание, чтобы исследователи обратили особое внимание на личные имена, и сам систематически собирает материалы по антропонимии, отмечая, что им разнесено на карточки более тысячи личных имен у туркмен и ногайцев⁸⁷.

В значительной мере именно с семейно-брачными отношениями связаны два небольших, но крайне важных для этнографии исследования А. Н. Самойловича: «Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины» и «Женские слова у алтайских турков»⁸⁸. В них проанализированы все случаи и поводы для замены женщиной собственных имен своего мужа, свойственников и свойственниц именами нарицательными. Запретными для замужних женщин являются и те нарицательные имена, которые входят в состав личных имен определенной группы родственников мужа или названий той родо-племенной группы, к которой он принадлежит. Запреты называть по имени, в лицо и за глаза, тех или иных лиц относятся к категории так называемых «психических запретов» (термин, предложенный Л. Я. Штернбергом), которые в описываемой форме возникают на стадии становления патриархальных порядков и моногамной семьи, хотя некоторые исследователи полагают, что они появляются вместе с возникновением брака вообще⁸⁹.

Особое внимание привлекает вторая работа — о женском лексиконе у алтайцев, к которой приложен список из 42 женских слов. Нам удалось выявить кроме приведенных А. Н. Самойлови-

⁸⁵ См.: А. Н. Самойлович, Сказка «Сорок небылиц». . . , стр. 481.

⁸⁶ А. Н. Самойлович, Из туркестанской живой старины. I. Фер-Набире, — НЦ, 1922, № 2 (окт.—дек.), стр. 42.

⁸⁷ А. Н. Самойлович, К вопросу о наречении имени у турецких племен, — ЖС, 1911, год 20, вып. 2, стр. 299; е го же, [рец. на:] «Материалы по земледопользованию в Закаспийской области. . . », — ЖС, 1908, год 17, вып. 1, стр. 113.

⁸⁸ ЖС, 1915, год 24, вып. 1—2; сб. «Язык и литература», т. 3, Л., 1929.

⁸⁹ См.: Н. А. Кисляков, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л., 1969, стр. 163—239.

чем еще 30 женских слов⁹⁰. Женский лексикон представлен и у киргизов. В нем также насчитывается несколько десятков слов⁹¹. Такое обилие женских слов не может быть объяснено лишь их «служебной» ролью для замены запретных слов. Ученый отмечает, что «на Алтае безусловно имеются женские слова и иных категорий»⁹² и что «чужих» слов (являющихся общими, или мужскими, для соседних с алтайцами народов) в приводимом им списке около одной четверти. Этот факт позволяет исследователю ставить вопрос о связи подобных слов с экзогамией⁹³. Очень верная мысль автора может быть интерпретирована еще более широко. Наличие такого рода «чужих» слов и ряда слов-синонимов в женском лексиконе алтайцев и киргизов свидетельствует не только о стойкости обычая экзогамии, но является следствием активно протекавших этнических процессов, выражавшихся, в частности, в смешении с соседними народами и племенами, включении в состав данной этнической группы частей и осколков других племен и родов и т. п. Следует отметить, что для категории запретных женских слов у алтайцев существовал термин *байлаган сөстөр*⁹⁴, у киргизов — *тергеме сөз*⁹⁵.

Касаясь семейно-брачных отношений, нельзя обойти молчанием того внимания, которое А. Н. Самойлович уделял положению женщин у народов Востока. Уже в своих более ранних трудах он подчеркивает, что на туркменской женщине лежат все сложные домашние работы вплоть до установки кибитки; пишет об отрицательном отношении местных студентов медресе, даже придерживающихся передовых взглядов, к эмансипации мусульманской женщины, с сочувствием отмечает бичуемое в пьесах местных среднеазиатских драматургов (1913—1916) «рабское положение женщины»⁹⁶. И в 1936 г., анализируя прозвище Элик-туркан, он снова пишет об отраженном в этом прозвище презрительном отношении к женщине «со стороны господствующего класса народов Средней Азии во времена феодализма»⁹⁷. Как подлинный демократ, А. Н. Самойлович не мог не радоваться изменениям в положении

⁹⁰ По кн.: Н. А. Баскаков, Н. М. Тошак ова, Ойротско-русский словарь, М., 1947.

⁹¹ К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1965.

⁹² А. Н. Самойлович, Женские слова у алтайских турков, — «Язык и литература», т. 3, Л., 1929, стр. 222.

⁹³ Там же, стр. 229.

⁹⁴ «Ойротско-русский словарь», стр. 25; ср.: А. Н. Самойлович, Женские слова..., стр. 223—224.

⁹⁵ «Киргизско-русский словарь», стр. 727.

⁹⁶ А. Н. Самойлович, Туркменские развлечения, стр. 18; е го же, Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство..., стр. 17; е го же, Драматическая литература саргов, — «Вестник Общества востоковедения», СПб., 1916, № 5, стр. 74.

⁹⁷ А. Н. Самойлович, Не «турки», а «царица», — СЭ, 1936, № 2, стр. 56.

женщины, наступившим после Великого Октября. Он выступает с рецензией на вышедший в свет в Баку (1923, № 1) литературный и общественно-политический журнал «Шарк кадыны» («Восточная женщина») ⁹⁸, пишет о казахских женщинах, которые начали принимать участие в общественно-политической жизни ⁹⁹.

Живой интерес проявлял ученый и к народным знаниям. Но его записи по этой теме в большинстве своем остались неопубликованными. Исключение составляет материал, относящийся к народному календарю. Труды исследователя по этому вопросу можно с полным правом отнести к историко-этнографическим источникам. Среди них особое место принадлежит изысканиям, относящимся к двенадцатилетнему животному циклу. Этому сюжету была посвящена статья А. Н. Самойловича, опубликованная еще в 1913 г. ¹⁰⁰. В ней он не только перечисляет старейшие названия годов двенадцатилетнего животного цикла у тюркских народов, представленные уже в орхоно-енисейских памятниках, в сочинениях Бируни, Улугбека и других восточных авторов, но и отмечает изменение значений некоторых названий годов и даже замену их названий. К этому вопросу ученый возвращается в 1918 г. ¹⁰¹ и, наконец, более обстоятельно рассматривает его в специальной работе ¹⁰².

А. Н. Самойлович отвергает применявшиеся разными авторами определения этого цикла как китайский, татарский, уйгурский, монгольский, турецкий, восточноазиатский, называя его просто «двенадцатилетним животным циклом». Свою точку зрения на происхождение этого цикла он выразил словами: «Я позволяю себе решительно считать вопрос о происхождении этого цикла открытым и при этом склоняться в сторону гипотез о зарождении его на Переднем Востоке» ¹⁰³ (автор имел в виду гипотезы Фр. Болла и Ж. Галеви). Им высказывается мнение о необходимости полной сводки достижений по изучению этого вопроса ¹⁰⁴. Обширную сводку всех существовавших до последнего времени данных как о самом двенадцатилетнем животном цикле, так и о его происхождении мы находим в основательном исследовании И. В. За-

⁹⁸ НВ, 1924, кн. 5.

⁹⁹ А. Н. Самойлович, Казаки Кошагачского аймака. . ., стр. 326.

¹⁰⁰ А. Н. Самойлович, Об изменениях в 12-летнем животном цикле у некоторых турецких племен, — ИТОИАЭ, 1913, № 49.

¹⁰¹ А. Н. Самойлович, Среди крымских татар летом 1916 г., — ИТОИАЭ, 1918, № 54.

¹⁰² А. Н. Самойлович, К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле у турецких народов. (Вопросник, источники, варианты названий годов, легенды о происхождении, приметы), — «Восточные записки Ленинградского ин-та живых восточных языков», 1927, т. 1.

¹⁰³ А. Н. Самойлович, К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле. . ., стр. 147.

¹⁰⁴ Там же, стр. 148.

харовой, опубликованном в 1960 г.¹⁰⁵. Все народы, у которых применялся двенадцатилетний животный цикл, автор делит на две группы: западную (в основном тюркоязычные народы) и восточную, или китайско-монгольскую. В итоге детального рассмотрения всех доступных источников И. В. Захарова приходит к выводу о вероятности зарождения цикла в Центральной Азии, среди кочевых племен, входивших в последние века до нашей эры — в первые века нашей эры в состав складывавшихся государств, в частности в гуннское государство. Поэтому она предлагает именовать его центральноазиатским. Происхождение цикла она связывает с тотемистическими представлениями, имевшими распространение в гуннской среде и касавшимися большинства животных, вошедших в цикл. Гипотеза И. В. Захаровой представляется весьма убедительной.

Вслед за И. В. Захаровой опубликовала свою статью Т. Н. Сенигова¹⁰⁶. Она посвящена археологической находке — дисковидному предмету с изображением животных, обнаруженному в 1957 г. на средневековом городище Баба-Ата в Сузакском районе Южно-Казахстанской области и датированному автором X—XII вв. Порядок изображений животных близок к тому, что принят в двенадцатилетнем животном цикле. Из других работ, посвященных этой теме, упомянем и работу А. К. Писарчик¹⁰⁷.

Таким образом, «зачин» А. Н. Самойловича принес богатые плоды. Накоплен большой материал для решения вопроса об оригинальной системе летосчисления, распространенной до недавнего времени среди большинства тюркоязычных народов. По сведениям А. Н. Самойловича, не знали цикла хазары, пелоры, не знают его якуты, карагасы, сагайцы и другие енисейские тюрки, литовские татары, чуваша и, по-видимому, гагаузы¹⁰⁸.

Значительный интерес представляет заметка ученого, в которой сообщается о существовании в Хорезме кроме мусульманского лунного календаря двух солнечных календарей: одного — официального, введение которого «История» Муниса — Агехи приписывает Алла-Кул-хану, другого — крестьянского, на месяц

¹⁰⁵ И. В. Захарова, Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии, — «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», Алма-Ата, 1960 («Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 8), стр. 32—65.

¹⁰⁶ Т. Н. Сенигова, Монетовидный календарь, — «Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана», Алма-Ата, 1961 («Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 12); (первую публикацию этого автора см.: «Древний календарь тюркских народов», — «Советский Казахстан», 1959, № 6).

¹⁰⁷ А. К. Писарчик, Таблицы годов двенадцатилетнего животного цикла с приведением соответствующих им годов современного летосчисления, — «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1, Ашхабад, 1949.

¹⁰⁸ А. Н. Самойлович, К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле. . . , стр. 148, прим. 1.

опережающего официальный. Сельскохозяйственная жизнь протекает по крестьянскому календарю. Интересно примечание редакции: «В современном народном хивинском календаре, несомненно, сказываются пережитки домусульманского календаря»¹⁰⁹.

Анализируя и сопоставляя названия месяцев у некоторых тюркоязычных народов, А. Н. Самойлович устанавливает параллели в этих названиях у караимов и половцев (*kjz ay* 'осенний месяц'), караимов и казахов (*согум ай* 'месяц убоя скота'), перекидывает мост от казахского названия месяца *кёкёк* или *кокук* ('кукушка') к аналогичным названиям тюркоязычных народов Сибири — алтайцев и чулымцев, с одной стороны, и от казахских названий месяцев *уштунг айы*, *бирдинг айы* к аналогичным названиям у киргизов — с другой¹¹⁰. Важно подчеркнуть, что речь идет о народных названиях месяцев, не заимствованных из персидского или арабского языков¹¹¹.

Цикл исследований А. Н. Самойлович посвятил названиям дней недели у тюркоязычных народов¹¹². Главная ценность этих исследований состоит в том, что они позволяют выявить влияние на тюркские народы различных культур через посредство ислама (персидские и арабские названия дней), христианства, иудаизма и даже язычества. Автор намечает две соприкасающиеся между собой линии распространения культурных влияний: одну — от финских и тюркских народов через Закавказье и Малую Азию, другую — от Поволжья через Северный Кавказ в Крым. Высказав в 1923 г. мнение о том, что названия дней недели у чувашей, карачаевцев, балкарцев, караимов, крымчаков, а отчасти кумыков, башкир, мещеряков и некоторых финских народов Поволжья можно возводить к времени Хазарского царства, т. е. к VIII—XI вв. н. э., ученый позднее пересмотрел его и подчеркнул, что он не склонен столь решительно связывать название «шабат» и его варианты у ряда народов Поволжья, Северного Кавказа и Крыма с иудейством хазаров. Однако окончательно от этой мысли он не отказывался, подчеркивая наличие в составе населения Хазарского государства и язычников, и христиан наряду с мусульманами и приверженцами Ветхого завета.

¹⁰⁹ А. Н. Самойлович, Из туркестанской живой старины, I... Хивинский народный календарь, — НП, 1922, № 2, стр. 42—43.

¹¹⁰ А. Н. Самойлович, К истории и критике Codex Sumanicus, — ДРАН-В, 1924, апр. — июнь, стр. 88; е го ж е, Казаки Кошагачского аймака... , стр. 318—321.

¹¹¹ См. о названиях месяцев у киргизов, а также у тувинцев, алтайцев, хакасов и др.: С. М. Абрамзон, Киргизы... , стр. 101, 103—104.

¹¹² А. Н. Самойлович, Названия дней недели у турецких народов, — «Яфетический сборник», 2, Пг., 1923; е го ж е, К вопросу о наследниках хазар и их культуры, — «Еврейская старина», Л., т. 11, 1924; е го ж е, Названия дней у азербайджанских турков, — «Яфетический сборник», 3, М.—Л., 1925; е го ж е, К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крае, — НВ, 1927, кн. 18.

Материал, собранный автором среди азербайджанцев, настолько точен и детально разработан, что может быть даже картографирован по уездам и территориям бывших ханств Нухинского, Ширванского, Шекинского и использован для изучения истории азербайджанской культуры. Особый интерес для этнографов представляют названия дней, распространенные ранее среди кочевого населения Азербайджана, которые могут быть истолкованы в связи со скотоводческо-пастушеским бытом. Это — *дуз гўни* ('день соли') — понедельник или вторник, в этот день овцам дают соль, и *сўт кўни* ('день молока') — воскресенье или суббота, в этот день пастухи получают молоко, продаваемое ими на следующий (воскресный) день на базаре¹¹³. Карачаевско-балкарское название воскресенья и недели *ыйык* А. Н. Самойлович справедливо отождествляет с аналогичными названиями у ряда тюркских народов Сибири (*ыдык, ызык, ыйык*) и чувашей (*йух, йых, их кун*) в значении «посвященный в жертву, жертва». Эти названия, несомненно, древнего происхождения.

Видное место среди сочинений А. Самойловича занимают работы, в которых дается описание общественных и частных развлечений, проведения досуга, игр (в первую очередь у туркменов), а также кукольного театра, выступлений акробатов, скоморохов (*масхарабоз*) и других зрелищ у узбеков. Кукольному театру ученый посвящает специальную листовку. Он характеризует два вида театра: «кол курчак» (ручные куклы — подобие русского Петрушки) и «чадыр хайаль» (шатер представлений) — театр марионеток, отдаленно напоминающий русский вертеп. Все участники народных увеселений у узбеков (кроме названных еще ходоки по канату, фокусники, клоуны и обслуживающие их выступления музыканты) в каждом районе объединялись в особый цех. Уставу цеха артистов посвящена отдельная работа А. Н. Самойловича¹¹⁴. (О кукольном театре, цирке и других видах народного театра, цехе артистов и музыкантов писали также М. Ф. Гаврилов и А. Л. Троицкая¹¹⁵.) Кукольный театр, акробаты, певцы, танцоры зафиксированы А. Н. Самойловичем на фотографиях¹¹⁶. Он знакомился с пением и музыкой туркменов, казахов и каракалпаков. Слушая народных певцов различных племен, отличал

¹¹³ А. Самойлович, Названия дней недели у турецких народов, стр. 101—102; е го же, Названия дней у азербайджанских турков, стр. 68.

¹¹⁴ А. Н. Самойлович, Туркестанский устав-рисоля цеха артистов, — «Этнографический отдел Гос. Русского музея. Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, Л., 1927.

¹¹⁵ М. Ф. Гаврилов, Кукольный театр в Узбекистане, Ташкент, 1928; А. Л. Троицкая, Ферганская театральная экспедиция, — СЭ, 1937, № 1; е же же, Из истории народного театра и цирка в Узбекистане, — СЭ, 1948, № 3, см. стр. 72, 73, 75, 76; е же же, Абдолтили — тайный язык цеха артистов и музыкантов, — СВ, т. V, 1948.

¹¹⁶ См. колл. МАЭ: 1350, 1398, 2819.

особенности их пения и музыки, присутствовал на представлениях шутов-любителей, пользовавшихся большой популярностью в хивинских городах ¹¹⁷. Специальное внимание уделял А. Н. Самойлович изучению музыкальных инструментов туркменом и узбеком, записывал названия музыкальных мелодий. Большую ценность представляет приобретенная им и хранящаяся в МАЭ коллекция музыкальных инструментов. В нее входят: туркменский «дудар» (двухструнный, щипковый), «түдүк» (камышовая флейта), «диллитүдүк» (дудочка камышовая с язычком), «кобуз» (варган), узбекские «кобуз» (двухструнный, смычковый, принадлежал последнему придворному игроку на кобузе при хивинском хане), «тамбур», или «сетар» (трехструнный, щипковый), «гиджак», или «гыджак», «гырджак» (трехструнный, смычковый; инструмент общенародный, сольный и оркестровый, известен всей Средней Азии), «сурнай» (деревянный, духовой, типа гобоя), «буламан» (деревянная маленькая трубка-дудка, расширяющаяся к нижнему концу), «дайра», «дарья» (бубен), «нагара» (литавры, состоящие из двух высоких глиняных горшков, связанных вместе и затянутых кожей) ¹¹⁸. Собиратель отметил наличие музыкальных ансамблей у узбеком (дудар и две дудки — «буламан»; две сурны и один бубен, гырджак с бубном). Он говорит о почти полном исчезновении из употребления у городских жителей Хивинского ханства смычкового кобуза, оставшегося преимущественно у казахов и каракалпаков ¹¹⁹.

Внес свой вклад А. Н. Самойлович и в изучение народного изобразительного искусства туркменом. Он опроверг неверное утверждение об отсутствии у них вышивки ¹²⁰, доставив в МАЭ восемь приобретенных им образцов: на мужском старинном колпаке, на женской рубашке, на рубашке мальчика-подростка, на платке-утиральнике, на мешочках для табака, или чая, или денег. Вышивка выполнена шелковыми нитками, тамбурным швом. Все предметы приобретены в округе Порсу Хивинского ханства у туркменом племени чоудор ¹²¹. Кроме того, собиратель привез шесть инструментов для резьбы по дереву (на дверях, колоннах) в виде стальных резцов в деревянных ручках и бумажные трафареты — десять образцов узоров для резьбы по дереву ¹²². Эта коллекция приобретена у узбеком в г. Хиве.

¹¹⁷ А. Н. Самойлович, Краткий отчет о поездке в Ташкент и в Бухару и в Хивинское ханство. . . , стр. 24—27.

¹¹⁸ Колл. МАЭ 1916—1-4, 1268—1-7, 3175—3; см.: А. Н. Самойлович, Туркменские развлечения, стр. 7—8.

¹¹⁹ А. Н. Самойлович, Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство. . . , стр. 21—25.

¹²⁰ А. Н. Самойлович, [рец. на:] А. Калмыков. Хива. . . , стр. 115.

¹²¹ Колл. МАЭ 1271—3—5, 7, 9-12.

¹²² Колл. МАЭ 1270—1—16 (1908 г.).

Особое место среди изучавшихся А. Н. Самойловичем явлений духовной культуры занимает религия, и прежде всего пережитки шаманства. По этому поводу он писал: «Собирание материалов по пережиткам шаманства (с возможными отклонениями буддийскими, манихейскими, христианскими, зороастрийскими) у турецких племен, исповедующих ислам, представляет выдающийся интерес»¹²³.

Находясь в 1908 г. в Хивинском ханстве среди племени чоудор, ученый впервые видел шамана, называемого у хивинских туркменов и узбеков «порхан». Шаманами могли быть мужчины или женщины, приводившие себя в иступление причитаниями под удары в бубен (без колотушки) и в таком состоянии изгонявшие из больных нечистого духа или предсказывавшие будущее. Хивинские сарты, отмечал А. Н. Самойлович, называют таких людей «*palmin* (= *fal*+*bin*)», и далее сообщает: «Я видел мужчину, одетого в женское красное платье и с красным платком на голове»¹²⁴. Ему сообщили, что среди текинцев есть порханы-шаманы, хотя их редко приходится наблюдать; у них бытует выражение «порхан ойнатмак» — «пригласить шамана для лечения больного». По мнению исследователя, среднеазиатско-туркское *porhan* происходит от персидского *peri-xān*¹²⁵. В фотоколлекциях МАЭ имеется снимок, сделанный А. Н. Самойловичем, на котором изображен хивинский порхан с бубном в женском одеянии и в платке¹²⁶.

Характеристика пережитков шаманства среди оседлого населения Узбекистана содержится в работах О. А. Сухаревой и Г. П. Снесарева¹²⁷. Но ни тот, ни другой этнограф не отмечает того необычного костюма, в который был одет хивинский шаман. Г. П. Снесарев, например, пишет: «Особого костюма шамана здесь (в Хорезме. — С. А.) не имели»¹²⁸. О шаманах у туркменов сообщает Г. П. Васильева¹²⁹. Но и она не сообщает о женском одеянии шаманов, хотя и приводит такой примечательный факт: чтобы вылечить ребенка от кори, рекомендовали надеть на него красное женское платье¹³⁰.

Таким образом, А. Н. Самойловичем было открыто новое и со-

¹²³ А. Н. Самойлович, Туркменские заговоры, стр. 118.

¹²⁴ А. Н. Самойлович, Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство... , стр. 27.

¹²⁵ А. Н. Самойлович, Туркменские заговоры, стр. 117—118.

¹²⁶ Колл. МАЭ 1398.

¹²⁷ О. А. Сухарева, Ислам в Узбекистане, Ташкент, 1960, стр. 42—43; Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969, стр. 44—72.

¹²⁸ Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований... , стр. 44.

¹²⁹ Г. П. Васильева, Преобразования быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, стр. 328—329.

¹³⁰ Там же, стр. 333.

вершено уникальное явление т р а в е с т и з м а в среднеазиатском шаманстве. На свадебном пиру в Ташкенте в 1908 г. он видел, как танцовщик, переодевшись в особый костюм «балерины и подвесив косы, выполнял свои танцы под звуки оркестра»¹³¹. Между одеванием танцоров в женское платье и женским костюмом шамана есть, возможно, определенная связь.

Коснулся А. Н. Самойлович и демонологии у туркмен в заметке о русалках «су-кызы»¹³².

О погребальном культе и трауре у А. Н. Самойловича имеются лишь отрывочные сведения. Так, в Хорезме он наблюдал наземное погребение¹³³. Могилы, особенно святых, как он пишет, оберегаются весьма бдительно: надмогильные камни укутаны в несколько покрывал и охраняются шейхами. Собственно к трауру относится заметка о траурном цвете, в которой А. Н. Самойлович на основании словарей, эпоса и народного романа доказывает, что у некоторых тюркских народов синий (голубой) цвет наряду с черным означает траур¹³⁴. М. В. Сазонова, изучавшая этнографию узбеков Южного Хорезма, сообщила нам, что у узбеков траурным является синий цвет, а старые женщины в знак траура надевают белые платки.

Заканчивая обзор этнографических исследований и наблюдений А. Н. Самойловича, необходимо отметить, что во многих своих работах он касается культурно-исторических связей как между самими тюркскими народами, так и между ними и другими народами, а также изменений в быте и культуре ряда тюркских народов, которые он наблюдал лично или о которых получал информацию. Эти изменения были вызваны определенными социально-экономическими причинами, но в особенности контактами с соседними народами, и в частности влиянием русского народа. В одной из своих работ он писал: «Быт в Туркестане теперь быстро изменяется, а потому следует спешить с собиранием материалов, уцелевших от уходящего быта»¹³⁵. Претворяя в жизнь это мудрое наставление крупного ученого-патриота, советские этнографы в то же время исследуют социалистические преобразования быта и культуры народов СССР.

¹³¹ А. Н. Самойлович, [рец. на:] Н. С. Лыкошин. «Хороший тон» на Востоке. . . , стр. 195.

¹³² А. Н. Самойлович, Вопрос о русалках — «су-кызы» в Туркменистане, — «Изв. АН ТуркмССР, сер. обществ. наук», 1961, № 3.

¹³³ А. Н. Самойлович, [рец. на:] Н. С. Лыкошин. «Хороший тон» на Востоке. . . , стр. 197. Этот тип погребальных сооружений подробно описан Г. П. Снесаревым (Большесемейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма, — КСИЭ, 1960, вып. XXXIII; см. также: е го же, Реликты домусульманских верований. . . , стр. 146—148).

¹³⁴ А. Н. Самойлович, О траурном цвете, — «Изв. АН ТуркмССР, сер. обществ. наук», 1961, № 5.

¹³⁵ А. Н. Самойлович, Туркестанский устав-рисоля цеха артистов, стр. 56.